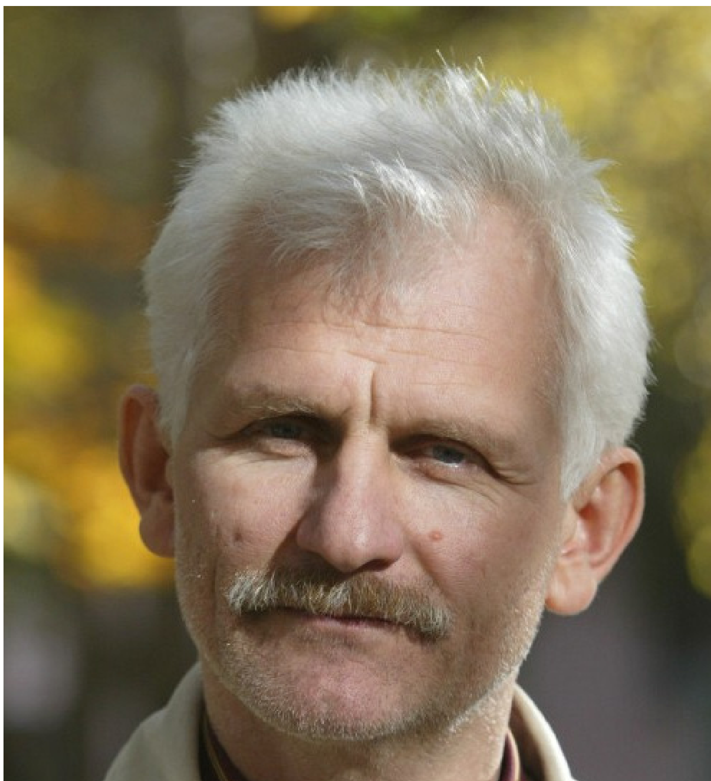
Праваабарончы
Веснік
верасень 2011
Магілёўскі праваабарончы інфармацыйны бюлетэнь

ПРАВААБАРОНЦА АЛЕСЬ БЯЛЯЦКІ: ДВА МЕСЯЦЫ Ў ТУРМЕ

Старшыня Праваабарончага цэнтру «Вясна», віцэ-прэзідэнт Міжнароднай федэрацыі за правы чалавека (FIDH) Алесь Бяляцкі, утрымліваецца пад вартай ужо два месяцы.

Ён быў затрыманы і змешчаны пад варту ў Мінску 4 жніўня, а 12 жніўня яму прад'явілі абвінавачанне па частцы 2 арт.243 Крымінальнага кодэксу Беларусі («Ухіленне ад уплаты сумаў падаткаў і збораў у асабіва буйным памеры»). 16-га жніўня Бяляцкаму падоўжылі тэрмін утрымання пад вартай на два месяцы. Зараз Алесь Бяляцкі ўтрымліваецца ў СІЗА па вул. Валадарскага ў Мінску.

Фота Юліі Дарашкевіч

Алесь Бяляцкі

Артыкул 243 Крымінальнага кодэксу прадугледжвае пакаранне ў выглядзе пазбаўлення волі ад 3 да 7 гадоў.

Нагадаем, што Алесь Бяляцкі абвінавачваецца ўва ўхіленні ад выплаты падаткаў і збораў у асабліва буйным памеры (Міністэрства юстыцыі Літвы задаволіла запыт уладаў Беларусі і перадала інфармацыю пра рахункі Алеся Бяляцкага, на якія пералічваліся сродкі для дзейнасці па абароне правоў чалавека).

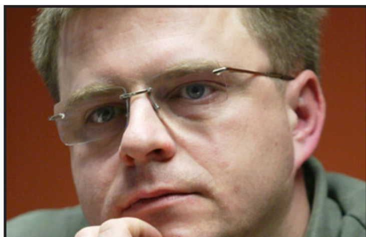
Праваабарончы цэнтр «Вясна», якім кіруе А.Бяляцкі, быў зачынены ўладамі ў 2003-м годзе. Праваабаронцы, вымушаныя дзейнічаць без афіцыйнай рэгістрацыі, за апошнія гады тройчы падавалі дакументы для рэгістрацыі арганізацыі наноў, але кожны раз атрымалі адмову па надуманых падставах.

Вызваленне кіраўніка «Вясны», прызнанага палітычным вязьнем, патрабуюць дзясяткі беларускіх і міжнародных арганізацый, палітычных і грамадскіх дзеячоў свету. З хадайніцтвамі аб змяненні меры стрымання Бяляцкаму на больш мяккую звярнуліся больш за тысячу беларускіх грамадзянаў.

ВЛАДИМИР КОБЕЦ: КАК МЕНЯ ВЕРБОВАЛИ В КГБ

Глава избирательного штаба Андрея Санникова рассказал, как его заставили подписать в КГБ бумагу о сотрудничестве.

Владимир Кобец написал для сайта **charter97.org** статью, в которой подробно рассказал, через что ему пришлось пройти после ареста 21 декабря 2010 года.

Уладзімір Кобец

Уже полтора месяца я нахожусь за пределами Беларуси, здесь и узнал, что в отношении меня «прекращено уголовное преследование». Вскоре выяснилось, что такое решение было принято в отношении тех обвиняемых и подозреваемых по делу о так называемых «массовых беспорядках» 19 декабря 2010 года, дела которых так и не дошли до суда.

Письмо за подписью старшего следователя СУ ПР ГУВД Мингорисполкома капитана милиции Д.В.Дыщенко бросили просто в почтовый ящик, словно открытку с новогодним поздравлением, а не важный документ.

Пришло время дать ответ на вопрос, на который я не смел ответить, продолжая оставаться в стране: на каких же условиях отпускали из СИЗО КГБ под подписку о невыезде?

Отвечу прямо – на условиях, о которых рассказал Алесь Михалевич – расписка о «добровольном» содействии органам госбезопасности в реализации ими конституционных обязанностей...»

Другого пути из СИЗО в те дни просто не было.

Без подобных бумажек отпустили только женские камеры (**Наталью Радину**, **Ирину Халип** и **Анастасию Положанко**), перед этим получив от них отказы в «сотрудничестве».

Почему я говорю об этом только сейчас?

Во-первых, то, что творилось в СИЗО КГБ мой разум бывшего государственного служащего и сейчас отказывается воспринимать как реальную действительность. Лишь профессиональная помощь специалиста по психологии катастроф позволила со временем избавиться от преследовавших кошмаров.

Во-вторых, я очень серьезно отнесся к угрозам, которые прозвучали в отношении моей семьи, меня, а так же моих друзей. Угрозы звучали и после «освобождения», их цель - заставить работать на КГБ.

В-третьих, я знал, что когда дело дойдет до суда, у меня будет возможность обо всем рассказать там.

Выйдя из СИЗО КГБ, я рассказал обо всем **правозащитному центру «Вясна»**. **Алесь Беляцкий** и **Валентин Стефанович** все эти месяцы поддерживали меня и старались помочь.

Уверен, к каждому из политзаключенных был избран индивидуальный подход, поэтому можно лишь догадываться, что происходило с теми, кого отпустили сразу (сами они об этом публично не говорят) или с теми, кто вышел до конца 2010 года.

О многом, что творилось в бывшей внутренней тюрьме НКВД, уже рассказали **Алесь Михалевич**, **Александр Отрощенков**, **Андрей Санников**, **Ирина Халип**, **Наталья Радина**.

Пытки

Политзаключенным решили показать, что и в XXI веке бывшая внутренняя тюрьма НКВД - «американка», словно машина времени, легким движением руки возвращается в 30-е годы прошлого столетия.

Мы были в полной информационной изоляции. Над нами издевались бойцы неизвестного подразделения в масках, вооруженные электрошокерами и дубинками. Нас обыскивали, заставляя раздеваться догола и приседать, ставили на растяжки и били ботинками по ногам, гоняли по крутой лестнице в наручниках, оскорбляя и снова нанося удары по ногам.

То, что «маска» приближается, определяешь по нарастающему частому дыханию. В этом дыхании слышно возбуждение, удовольствие от гарантированной безнаказанности. В этот момент ожидаешь удар - и получаешь его, несколько раз за «сеанс».

После такого стояния во время обыска в холодном спортзале под рев: «Резче!!!» трудно попасть в одежду, мышцы совершенно не слушаются. А несколько (от трех до пяти) «масок», усевшись на сложенные матрацы, как в театре, наслаждаются зрелищем, помахивая между ног дубинками и покрикивая.

В свое время я закончил Белорусский государственный университет и привык с должным почтением относиться к руководству своей альма-матер. Когда следующим в очереди заставляли раздеться бывшего проректора БГУ, руководителя Минской организации ОГП **Анатолия Павлова**, ассоциация с нацистским концлагерем становилась почти полной - оставалось развести костер из книг.

Працяг на стар. 2

ВЛАДИМИР КОБЕЦ: КАК МЕНЯ ВЕРБОВАЛИ В КГБ

Заканчэнне. Пачатак на стар. 1

Прогулки в «каменных мешках» превратились в издевательство – он начинался с прогона вниз по лестнице под рев: «Не растягиваться!!!» «Смотреть в пол!!!» «Руки за спину!!!». Нам приказывали ходить по кругу, не останавливаясь, не разговаривать. Если ты пожилой (а такие были) или у тебя проблемы с ногами, ходить в течение часа-двух практически невозможно. Стоять, делать упражнения запрещено.

Когда после оттепели пришли морозы, дворики для прогулок превратились в каток. Иногда мы замечали следы крови – кто-то из узников «американки» не устоял на льду, упал и разбился в кровь.

Визиты надзорного прокурора, о которых потом часто спрашивали журналисты, происходили в сопровождении начальника СИЗО. Именно он, новый начальник СИЗО КГБ **Алексей Орлов**, задорно улыбаясь, интересовался, нет ли жалоб и пожеланий. Фигура же прокурора маячила где-то за дверью. В камеру прокурор не заходил, и через дверной проем было видно, как он воротит нос в сторону - запах камеры был ему противен.

Мой сокамерник по наивности поинтересовался, когда же включат телевизор? «Включим» - поворачиваясь спиной, пообещал начальник СИЗО. Сразу по окончании визита прокурора в камеру ворвались контролеры и люди в масках: «Плановый обыск! Все на выход! Руки за спину!». Хотели зрелищ - получите шмон.

Главной задачей палачей было вывернуть человеку психику так, чтобы ему было уже все равно, что подписывать и чтобы он поверил, что впереди долгие годы скитания по тюрьмам и лагерям.

Утонченный цинизм – использовать в гэбэшных играх семью, включая детей. Так, на третьи сутки после допроса мне сообщили, что отпускают под подписку о явке по первому требованию. Адвоката попросили удалиться, позволили сделать звонок домой.

Однако вместо освобождения меня под конвоем отвезли в городскую прокуратуру, где седовласый пожилой человек, не отрываясь от бумаг, объявил: «Все вы знаете, были в штабе, все слышали».

В переполненную камеру №18, куда меня бросили, шконка просто не вошла. Вместо новенького комплекта (матрац, подушка, одеяло), которые у меня забрали, выдали другой – сбитый в комки тонкий матрац, рассыпающийся в руках плед и подушку в грязно-коричневых разводах.

Спать пришлось прямо на бетонном полу у дверей. К утру суставы едва разгибались, и сильно болела промерзшая спина…

Вербовка

Именно в этот период начались активные допросы без адвоката и вербовка. Еще ранее один из оперативных сотрудников прозрачно дал понять, что в «разработке» нахожусь не только я – собирается оперативная информация на мою жену, моих близких друзей. Теперь все они, включая семью, становились заложниками моей линии поведения.

На всех последующих «допросах» оперативный сотрудник званием повыше работал в паре с психологом. Он сразу поинтересовался: «Как вы думаете, почему все остальные руководители инициативных групп уже на свободе и только вы здесь?».

Конечно, я не мог этого знать, но подвох в вопросе заметил. Последовали угрозы: «Поедете! Далеко поедете!». Демонстрировалось знание моей биографии, показывались какие-то финансовые документы, которые я видел впервые.

Оперативников интересовали два вопроса: финансы и планы оппозиции на 19 декабря. Поразило, что они подробно знали кто, когда и что говорил в нашем избирательном штабе. Уотергейт в тот момент показался невинной шалостью, о чем я и заявил им. Выяснилось, что за **Андреем Санниковым** и членами его избирательного штаба велось постоянное наружное наблюдение – все перемещения и контакты с людьми были зафиксированы оперативниками КГБ.

Оперативные сотрудники КГБ прямо заявили, что ни прокуратура, ни суд ничего не решают - они лишь оформят то, что решат в «конторе». После всего, что уже довелось увидеть и пережить, в это верилось легко.

После многочасового сеанса промывания мозгов, демонстрации всевозможных, в том числе финансовых, документов, ситуация показалась мне фатально безвыходной - правовой беспредел подавлял, апеллировать к здравому смыслу или законности было бесполезно.

В конце концов, было озвучено условие освобождения из СИЗО под подписку о невыезде - написание расписки «о добровольном согласии на оказание содействия органам государственной безопасности Республики Беларусь в осуществлении ими их конституционных обязанностей».

В тот момент для себя я решил, что нужно, во что бы то ни стало, вырваться из КГБ. Текст писался под диктовку оперативного сотрудника. Никаких обязательств, кроме как сохранения факта написания такай расписки в тайне, бумага не содержала.

Обязательной процедурой стал полиграф. Выясняли, есть ли у меня иное гражданство, кроме белорусского, работаю ли я на иностранные разведки и попадал ли я в финансовую зависимость от иностранных граждан. Отдельными блоками шли вопросы о событиях непосредственно 19 декабря и, конечно же, финансовые вопросы.

«Освобождение»

Выпустили поздно вечером без документов, денег и телефона. Через день мне в КГБ выдали отдельную сим-карту, обязав активировать ее и быть постоянно на связи с ними.

Спустя несколько дней я обратился в **Правозащитный центр «Вясна»**, где рассказал о том, что со мной произошло и происходит. Позже стало известно об отъезде Михалевича. К сожалению, я не имел второго действующего паспорта, как он, да и бежать, осознавая, что побег может стать причиной возвращения в СИЗО Натальи Радиной, других, находящихся под подпиской, угрозы в адрес семьи, не позволяли найти легкий и быстрый ответ, на вопрос, что делать?

На следующий день после побега Наташи Радиной, мне позвонили из КГБ, приказали оставаться дома и выйти в интернет. Каждые полчаса мне звонили, проверяя, не сбежал ли я. Наверное, думали, что побег будет носить массовый характер. Требовали звонить всем и спрашивать, где журналистка.

Конечно, я никому не звонил и был очень рад, что Наташе удалось обвести КГБ вокруг пальца.

Предложения от КГБ

Поразило несколько предложений, поступивших от КГБ. Прежде всего, они предлагали участвовать в парламентских выборах. Похоже, там собрались создать фракцию КГБ.

Предлагали также реализовать собственный проект – все равно какой. Говорили: получи финансирование и можешь ничего не делать. На мое замечание, что получать внешнее финансирование незаконно, последовал ответ: у нас есть богатый опыт подобной работы, есть схемы…

После отказов и саботажа «сотрудничества» последовали прямые угрозы и шантаж. Тянуть с отъездом больше было нельзя.

Я прекрасно понимаю, что делая это заявление, я наверняка, стану мишенью для атак со стороны КГБ и их агентуры. Мне обещали серьезные проблемы и компрометацию в случае, если я сделаю нечто подобное. После заявления **Алеся Михалевича** мне сообщили, что в отношении меня также велась скрытая съемка. Все это я понимаю. Но по иному я и не планировал поступать.

Валентин Стефанович (правозащитный центр «Вясна»):

Валянцін Стэфановіч

- Я знал о ситуации с Владимиром, знал из первых уст. Фактически сразу после того, как ему изменили меру пресечения на подписку о невыезде и освободили из СИЗО КГБ, он пришел в офис «Вясны». Знал об этом и Алесь Беляцкий. Потом мы много раз встречались с ним в городе, чтобы не возможно было отследить, с кем встречается Владимир, так как за ним постоянно следили, оказывали сильное психологическое давление, склоняли к сотрудничеству.

Владимир не хотел сотрудничать с КГБ, и с самого начала нашей встречи мы начали обсуждать выход из сложившейся сложной ситуации. Мой совет был - публично рассказать все, что случилось и публично заявить об отказе от всяческих контактов с КГБ, и чтобы избежать возможных негативных последствий, выехать за границу.

Планировали мы и совместную конференцию, которую собирались провести в Вильнюсе или другом безопасном для Владимира месте. Я считаю, что он сделал все правильно и призываю всех, кто под давлением, под угрозами, а, возможно, и пытками, был вынужден подписать какие-либо соглашения о сотрудничестве с КГБ, публично рассказать об этом, иначе вы никогда не сумеете вырваться из этого замкнутого круга и скомпрометируете себя на всю оставшуюся жизнь.

Напішыце палітзняволеным:

Паштовы адрас Дзмітрыя Бандарэнкі, Яўгена Васьковіча і Мікалая Дзядка:

213105, г.Магілёў, Слаўгарадская шаша, п/а Вейна, папраўчая калонія №15

Паштовы адрас Дзмітрыя Уса:

212030, г.Магілёў, Слаўгарадская шаша, 3 км, папраўчая калонія №19

Праваабарончы веснік. Магілёўскі праваабарончы інфармацыйны бюлетэнь. Распаўсюджваецца бясплатна. Наклад: 299 ас.